

УДК 94(470.342)''18/19''+281.93+323.35+269
DOI 10.26456/vthistory/2023.3.047–064

ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ В ПОРЕФОРМЕННУЮ ЭПОХУ В ВЯТСКОЙ ЕПАРХИИ

А.В. Скутнев

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»,
г. Вятка, Россия

Цель статьи – изучить изменения в осуществлении миссионерской деятельности Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. Миссионерская деятельность в этот период превращается в одну из приоритетных задач государства. В некоторых епархиях едва ли не каждый приходский священник хотя бы раз в жизни выступал в роли миссионера. Это касается не только епархий на востоке и западе страны, но и ряда центральных епархий. Например, Вятской, где миссия активно проводилась. Складывается целая система: с подготовкой миссионеров, строгой отчетностью, созданием специальных миссионерских общественных организаций и школ для населения. Государство и Церковь часто действовали вместе. Дела о раскольниках, сектах и случаях отпадения от православия рассматривались также в МВД. Однако, Церковь при реализации миссии использовала в основном те инструменты, которые были в ее распоряжении: образование и просвещение. В результате миссионерской работы культурный уровень среди нерусских народов вырос, была создана местная письменность, построены храмы, сохранена местная история.

Ключевые слова: Русская православная церковь, миссионерская деятельность, духовенство.

Во второй половине XIX в. миссионерская деятельность стала одним из приоритетных направлений Русской православной церкви (РПЦ). При этом миссия проводилась не только на окраинах империи, но и в ее центральных районах. С. Г. Рункевич утверждал, что развитие миссии в Поволжье началось при Александре II.¹

История миссионерской деятельности в епархиях далеких от границ в последнее время привлекает внимание многих исследователей². Таким образом на примере миссии можно рассмотреть эволюцию церкви.

¹ Рункевич С.Г. Русская церковь в XIX в. СПб., 1901. С. 167.

² Кочеткова Е.И. Миссионерская деятельность Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX вв. (к историографии вопроса, 60-е гг. XX – нач. XXI вв.) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 75–83.

Миссия привела к целому направлению в церковной публицистике. В 1860-е гг. появляются как миссионерские периодические издания, которые читаются по всей стране: «Записки Миссионерского Общества», «Миссионер», «Миссионерское обозрение» и др. Также в целом вся церковная публицистика была охвачена статьями священников о жизни и верованиях своей паствы из числа нерусских народов.

Инициатором нового курса выступало государство. Логично, что миссионерскую деятельность можно рассматривать и как продолжение церковных реформ, потому как многие миссионерские организации были результатом возрождения прихода, оживления отношений Церкви и прихожан. На это обстоятельство указывают, например, М.Ю. Нечаева и А.В. Сапсай³.

Задачей миссионерской деятельности было распространение православия, в рамках которого можно выделить несколько направлений. Главными считались внутренняя миссия – среди старообрядцев, сектантов, католиков и других христианских конфессий на территории Российской империи, и внешняя миссия – среди нехристианского населения, как в России, так и за рубежом. Между собой эти направления тесно пересекались.

Вятская епархия была одной из епархий Европейской части России, где духовенство значительного числа приходов вынуждено было проводить миссионерскую работу. Последний дореволюционный вятский архиепископ Никандр в первом отчёте о состоянии епархии указал: «Вятская епархия, населённая инородцами, старообрядцами, сектантами и лицами нехристианских вероисповеданий, более чем какая-либо из других центральных епархий нуждается в потребном количестве церквей и священнослужителей»⁴. Из 607 приходов епархии в начале XX в. 247 были населены «раскольниками» и 263 нерусскими гражданами⁵. Если учесть частые перемещения с места на место, то можно с уверенностью сказать, что едва ли не каждый приходский священник Вятской епархии хотя бы раз в жизни выступал в роли миссионера.

В национальном плане около 78 % населения епархии составляли этнические русские, проживавшие во всех уездах губернии. Далее шли собственно так называемые «инородцы»: удмурты (вотяки) – 12 %, марийцы (черемисы) – 5 %, татары – 4 %. Нерусское население проживало довольно компактно в южных и юго-восточных уездах: Сарапульском, Глазовском, Елабужском, Малмыжском и Уржумском. В некоторых деревнях этого региона русских вообще не было. Это обстоятельство затрудняло знакомство

³ Нечаева М.Ю. Единение во имя Христа: Православные общественные организации Среднего Урала середины XIX – начала XX в.). Екатеринбург, 2008. С. 170; Сапсай А.В. К вопросу о динамике численности и состава православных общественных организаций во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Пермской епархии) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 81. С. 37.

⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2632. Л. 11.

⁵ Там же. Д. 1889. Л. 200.

«инородцев» с русской культурой и православием. По числу старообрядцев Вятская епархия занимала пятое место по России, уступая только Донской, Оренбургской, Томской и Полоцкой епархиям⁶. Также в Вятской епархии было немало представителей сект, таких как хлысты, скопцы, духоборы и молокане. Но официальная статистика причисляла их к старообрядцам⁷.

Немалая доля нерусского населения спустя несколько столетий после вхождения этих территорий в российское государство элементарно не знала русского языка. Также многочисленные источники свидетельствуют, что нерусское население (удмурты и марийцы, а это почти 17 % населения) сохраняли языческие традиции и находились в состоянии «двоеверия». Хотя из всех народов Поволжья удмурты наряду с мордвой считались полностью христианизированными⁸.

Как писал священник Я. Мултановский, «у черемисов сохраняются остатки языческого культа в виде “куста заповедного леса” – природных храмов»⁹. Крещеные марийцы, как и удмурты, зачастую не знали молитв и икон, устраивали общественные моления и жертвоприношения. Священные рощи мари оставались до 1917 г. нетронутыми, их тщательно скрывали от духовенства. Столкнувшись с напором православной миссии, за спиной которой, как правило, стояло государство, язычники нередко прибегали к изощрённому обману. Так, крестьянин с. Токтайбеляк Уржумского уезда Павел Петухов в 1901 г. уверял соплеменников, что нужно ходить в лес и там приносить жертвы. Он в 1891 г. ездил в Вятку, был увещан и принял христианство, но, вернувшись, стал лгать, что сам архиерей дозволил ему и прочим «черемисам» ходить в лес для жертвоприношений¹⁰.

Вторым по численности народом на территории Вятской епархии были удмурты. Многие священнослужители отмечали, что если и происходит «обрусение» удмуртов, то чисто внешнее, когда усваивается только внешнеобрядовая сторона христианства¹¹. Другие миссионеры писали, что вожаки всячески при совершении языческих обрядов особенно отмечают «не принимать к участию в общем собрании тех, кои причащались или носили детей к св.причастию». В таких языческих собраниях принимало участие до 12 тыс. чел.¹²

Церковь официально признавала такую ситуацию. Финно-угорские народы, в данном случае удмурты и марийцы, разделялись миссионерами на

⁶ Вятские епархиальные ведомости (далее – ВЕВ). 1898. № 21. С. 1101.

⁷ Машковцев А.А., Машковцева В.В. Старообрядцы и сектанты Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX века: взаимоотношения с региональными властями и православной церковью. Киров, 2015. С. 23.

⁸ Народы Поволжья и Приуралья. М., 2000. С. 473.

⁹ Центральный государственный архив Кировской области (далее – ЦГАКО). Ф. 170. Оп. 1. Д. 272. Л. 6 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1889. Л. 186–187.

¹¹ Архив Русского географического общества. Разряд X. Оп. 1. № 6. Л. 8.

¹² ВЕВ. 1869. №15. С. 340.

три группы: «руссковеров», «язычествующих» и язычников. И «руссковеры» и «язычествующие» были крещены, однако первые вполне оставили, а вторые продолжали отправлять языческие обряды. Большинство удмуртов и мари были «язычествующими».

В середине XIX в. государство попыталось построить централизованную систему миссионерской деятельности. Вступив на престол, Александр II одним из первых издал указ от 31 марта 1855 г. «об учреждении Миссионерского отделения для приготовления деятелей к обращению раскольников в православие в семинариях Казанского духовно-учебного округа». К этому округу относилась и Вятская губерния. Священнослужителям тех приходов, близ которых или в составе которых проживали раскольники, ежегодно вместе с отчетами о состоянии церкви и приходов предписывалось «особо представлять Его Преосвященству описания расколов, находящихся в их приходах с изложением их учения, основании оногo, истории, обрядов и всех особенностей расколов»¹³.

В 1854 г. в Казанской духовной академии были учреждены три миссионерских отделения: «противомусульманское отделение», готовившее миссионеров для обращения татар в православие, а также монгольское и черемисо-чувашское. Студенты этих отделений усиленно изучали языки, основы этнографии, быт и религию нерусских народов.

По указу Его Императорского величества от 25 мая 1867 г. преосвященные должны были «оказать содействие в приискании между духовенством епархии желающих и способных лиц к принятию обязанностей миссионеров и к дальнейшему образованию в петербургском университете по восточному факультету языкам татарскому и монгольскому»¹⁴.

Изменения в духовной школе явно указывали на то, что православная миссия выходила на новый уровень. С середины XIX в. миссионеров стали готовить специально.

Сбор материалов для успешного ведения миссионерской работы становился более тщательным. Указом от 29 июля 1865 г. в каждой епархии все церковные причты в начале января должны были предоставлять преосвященному ведомость о возвратившихся в православие старообрядцах и сектантах, присоединенных к православию иноверцах и крещенных православными священниками детей иноверных родителей, а также подписок, даваемых иноверцами, вступающими в брак с православными, о крещении и воспитании детей их в православной вере за целый год¹⁵.

Данные по епархиям и до этого собирались регулярно, хотя успехи были и относительно небольшие. Так, с 1863 г. в Вятских епархиальных ведомостях ежегодно публиковались сведения в рубрике «Успехи правосла-

¹³ ЦГАКО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 39. Л. 3 об.

¹⁴ Там же. Ф. 248. Оп. 1. Д. 57. Л. 138.

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Т. XL. 1865. № 42345.

вия». В 1862 г. в Вятской епархии в православие перешли 60 человек, большинство из сект (31 чел.) и язычества (23), из католицизма всего один человек, из лютеранства – 4, из ислама – 2, из иудаизма – 2¹⁶.

Несмотря на то, что законодательно осуществление миссионерской деятельности предоставлялось только РПЦ, это не означает, что не было встречных попыток среди православного населения со стороны других конфессий.

О распространении раскола между пермяками Глазовского уезда, которые также считались полностью крещеными, писал местный священник Н. Н. Блинов¹⁷. Немало было и случаев уклонения удмуртов в старообрядчество и сектантство¹⁸. С 1864 по 1914 гг. число старообрядцев в отдельно взятом Орловском уезде увеличилось с тысячи до 10680 чел.¹⁹ Безусловно, на это повлиял естественный прирост населения, но десятикратное умножение приверженцев старой веры объяснить только этой причиной невозможно.

Пытались вербовать новых адептов и представители ислама. Вятский епархиальный миссионер отмечал, что «татары – мусульмане, не только до фанатизма преданы своей вере и как твердыня стоят против слабых просветительных средств православных миссионеров, но, кроме того, совершают и не без успеха, пропаганду своей веры среди своих соседей – бесермян, вотяков и черемис»²⁰.

Государство помогало охранять православие. Дела о старообрядцах, сектах и случаях отпадения от православия рассматривались в МВД. Сообщения по ним губернатор получал из собственных источников. На местах в уездах исправники вместе со священнослужителями пристально следили за «раскольниками». В случае обнаружения новой секты и полицейские, и священники немедленно сообщали об этом своему начальству. Например, в 1867 г. уржумский волостной старшина обнаружил новую раскольническую секту «танина вера»²¹. В том же году сарапульский уездный исправник обнаружил иконоборческую секту²².

РПЦ с радостью принимала эту помощь от органов полиции и даже настаивала на установлении контроля. Иногда, как, например, в 1883 г. в отношении распространителя раскола в Сарапульском уезде крестьянина И. Сальникова, по требованию духовного начальства возбуждались уголовные дела²³. Общероссийские миссионерские съезды даже обращались с призывом именно о административном решении распространения сектантства²⁴.

¹⁶ ВЕВ. 1863. № 9. Отдел духовно-литературный. С. 266.

¹⁷ Блинов Н.Н. Дань своему времени // Урал. 1981. № 2. С. 179.

¹⁸ ВЕВ. 1913. № 3. С. 60.

¹⁹ ЦГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 721. Л. 2.

²⁰ ВЕВ. 1913. № 3. С. 63.

²¹ ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 130. Д. 1478.

²² Там же. Д. 408.

²³ Там же. Оп. 65а. Д. 11.

²⁴ Кочеткова Е.И. Указ. соч. С. 77.

А.Ю. Полунов утверждает, что отличием православной миссии от западных аналогов была, во-первых, ее связь с государством, а во-вторых, сочетание принудительных и культурно-просветительских мер²⁵.

Огромную роль в миссионерской деятельности РПЦ, как и в других христианских религиях, сыграли церковные братства и миссионерские общества. До начала 1860-х гг. церковные братства как единичные случаи существовали только в западных епархиях, однако постепенно братства стали появляться и в центральных епархиях. П.А. Валуев с разрешения Александра II разработал проект правил о братствах. По определению Синода от 29 мая 1864 г. правила были доведены до епархиальных архиереев²⁶.

В результате с 1864 по 1880 г. было основано 63 братства. Занимались они в основном благотворительностью, устройством и обеспечением православных школ. Были сравнительно крупные братства в западных епархиях (Ковенское Николаевское братство – 245 чел., Полоцкое братство св. Николая – 170 чел.) и небольшие (Виленское Свято-духовское – 70 чел.). Средства собирались с трудом, так что Синод даже решил дотировать 8 братств по 250 руб., жертвовал деньги и наследник престола (Александр Александрович пожертвовал только Ковенскому Николаевскому братству 4000 руб.)²⁷.

Церковные братства в западных губерниях не стали значительным явлением в деле миссии. Это связано с тем, что братства здесь служили политической цели правительства – русификации края. С. В. Римский утверждает, что и в великорусских епархиях братства не получили распространения и не оставили заметного следа в приходской жизни²⁸. Позволим себе не согласиться с этим высказыванием. По крайней мере, в Поволжье роль церковных братств была весьма существенна. Православную миссию в Вятской епархии во второй половине XIX в. вообще нельзя представить без деятельности церковных братств.

В 1865 г. было основано «Миссионерское общество для содействия распространению христианства между язычниками», переименованное в 1870 г. в «Православное миссионерское общество». Центр его до 1869 г. находился в столице, а затем был переведен в Москву. В епархиях создавались отделения, число которых к 1896 г. увеличилось до 44, их членами состояли 14 тыс. человек²⁹. Вятское отделение общества было открыто уже в 1870 г., гораздо раньше соседних епархий (в Пермской открыто в 1872 г., в Уфимской в 1878 г.) Его роль в епархиальной жизни была достаточно заметной. Председателем был преосвященный, а заместителем выступил лично губернатор. В общество

²⁵ Полунов А.Ю. О религии и империи: миссии, обращения и веротерпимость в царской России // Отечественная история. 2003. № 5. С. 197.

²⁶ ПСЗ. Т. XXXIX. 1864. № 40863.

²⁷ Римский С.В. Православная церковь и государство в XIX веке. Ростов-на-Дону, 1998. С. 193.

²⁸ Там же. С. 194.

²⁹ Энциклопедический словарь. Репринтное издание Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон. 1893 г. М., 1990. Т. 19. С. 446.

массово вступали священно- и церковнослужители, купцы, чиновники, крестьяне епархии, хотя ежегодный взнос составлял 3 руб.³⁰ Только за первые четыре месяца со дня открытия было собрано пожертвований и взносов от вятского общества на сумму в 1569 руб.³¹.

Кроме противоязыческого «Православного миссионерского общества», в Вятской епархии возникли два братства, имеющие цель бороться с расколом. С 1 октября 1882 г. начало работать Братство святителя и чудотворца Николая в Вятке. Через десять лет, 21 ноября 1892 г. к нему добавилось Вознесенское братство в Сарапуле.

В Поволжье большое значение имело открытие в 1867 г. братства св. Гургия, основной задачей которого являлась борьба с расколом и сектантством. Деятельность этого братства затронула и Вятскую епархию.

Эти братства также находились под покровительством лично епархиального архиерея и вятского губернатора. Почётными членами состояли видные архиереи и светские чиновники общероссийского значения: великий князь Сергей Александрович, киевский губернатор Ф.Ф. Трепов. Симфония светской и духовной властей в миссионерском деле проявилась достаточно полно. Государство было кровно заинтересовано в искоренении раскола и язычества. Император и императрица состояли покровителями и почетными членами многих миссионерских обществ и братств.

Учреждение в 1868 г. Сарапульского викариатства, включавшего Сарапульский, Елабужский и Малмыжский уезды, а позднее, в 1889 г. Глазовского викариатства на территории одноименного уезда, также доказывает значимость миссионерской деятельности во второй половине XIX в. Эти викариатства включали в себя уезды с преимущественно нерусским населением, а значит, викарии могли более пристально наблюдать за распространением православия в подведомственных приходах. В дальнейшем на территории этих уездов предполагалось создать самостоятельную епархию.

Епархиальный архиерей за год совершал несколько поездок по своей епархии с целью личного знакомства с текущим положением дел. В Вятской епархии по традиции преосвященный обязательно посещал храмы, расположенные в местах, населённых старообрядцами и нерусскими гражданами: например, в 1901 г. архиепископ Вятский и Слободской Алексей совершил три поездки, он посетил Яранский, Уржумский, Глазовский, Слободской и Орловский уезды; акцент был сделан на места проживания инородцев и раскольников³².

Вся епархия была разделена на миссионерские округа во главе с окружаемыми миссионерами. Им обязаны были помогать и благочинные священники. Каждодневно же осуществлять миссионерскую деятельность приходилось окружающим миссионерам и приходскому духовенству. Чаще всего эти мисси-

³⁰ ВЕВ. 1870 №21. С. 441.

³¹ Там же. С. 443.

³² РГИА. Ф.796. Оп.442. Д.1889. Л.185

онерские округа совпадали с территориями уездов. Да и сами окружные миссионеры являлись, за недостатком средств, священниками одного из подведомственных приходов. Общую координацию их работы осуществляли центральные и местные органы. О состоянии дел епархиальные миссионеры сообщали лично архиерею и в центральные комитеты братств. Однако не стоит считать, что любой приходский священник мог стать миссионером, и уж тем более что назначение на эту должность происходило только по желанию начальства. Сохранилась резолюция епископа Вятского и Слободского Аполлоса за 1879 г. о том, что «священникам в приходах, в которых есть раскольники объявить, что если они к миссии будут относиться равнодушно, оставляем за собой одно право... заменить их более энергичными и способными на посту миссионерского дела»³³.

Регулярно работали миссионерские съезды, где православные проповедники могли обменяться накопленным опытом и выработать общие мероприятия. Отдельно собирались священнослужители раскольнических и иногородских приходов. Такие съезды действовали и на уровне благочиний, и на уровне епархий, и даже на общероссийском уровне. Первый миссионерский съезд состоялся в Москве в 1887 г. Всего до 1917 г. таких съездов было пять. В основном на этих съездах решались задачи борьбы с расколом.

В начале XX в. централизация в миссионерской деятельности ещё более усилилась. Вероятно, власть не совсем удовлетворяли её результаты. В 1908 г. для координации всей миссионерской работы был создан Миссионерский Совет в Вятке. Подобные советы создавались по всей империи. В 1915 г. решено было объединить его с Вятским Братством Святителя и Чудотворца Николая в единое Вятское епархиальное братство Святителя и Чудотворца Николая, взявшее под опеку и внешнюю, и внутреннюю миссию.

РПЦ пыталась обучать миссионерской деятельности будущих священников. Дети приходского духовенства еще до начала самостоятельной трудовой деятельности включались в миссионерскую работу. В семинариях появился специальный предмет «история и обличение русского раскола». Но, вероятно, предмет был трудный или не вызывал живого интереса, так как успеваемость по этому предмету была ниже среднего: по свидетельствам окончивших Вятскую духовную семинарию по истории и обличению русского раскола на «2» и «3» училось 64,3 % учеников³⁴.

Также в качестве эксперимента одно время преподавались языки местного нерусского населения. В Вятской духовной семинарии преподавали марийский, удмуртский и татарский языки. Однако этот процесс был не всегда гладким. Вначале было устроено обучение марийскому языку, хотя вторым по численности народом в епархии были удмурты. И только после просьб, в том числе и в печати, священнослужителей, был введен удмуртский язык³⁵.

³³ ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 181 а.

³⁴ ГАКО. Ф. 215. Оп. 2. Д. 34.

³⁵ ВЕВ. 1869. № 15. С. 335–341.

В начале XX в. для приходского духовенства стали проводить курсы «инородческих» языков. Однако если говорить о знании приходским духовенством языков, стоит констатировать, что эта задача так и не была решена. В 1905 г. вятский священник обращал внимание Вятской духовной консистории на то, «сколько священников в черемисских селах совершенно не знающих черемисского языка в настоящее время»³⁶.

Была ещё одна причина, которая хотя и не имела решающего значения, но, тем не менее, оказывала определённое воздействие на миссионерскую деятельность приходского духовенства. Речь идёт о материальной заинтересованности священнослужителей, проживавших в приходах, населённых нерусскими этносами и старообрядцами. Основным источником содержания вятского духовенства – плата за требоисправления – напрямую зависел от прихожан. Так, священник Христорождественской церкви с. Зюздино К. Кочкин в 1879 г. рапортовал в Вятскую духовную консисторию, что раскольничий «лжепоп» И. Русских собрал с его прихожан 300 руб. и 30 пудов хлеба³⁷. Следовательно, этой достаточно большой суммы недосчитался причт Христорождественской церкви. В третьей части приходов Вятской епархии нерусское и старообрядческое население составляло большинство, а значит, для местного приходского духовенства распространение православия было единственным способом заставить добровольно давать средства на своё содержание и благоустройство храмов.

В отчёте за 1901 г. архиепископ Вятский и Слободской Алексей отмечал, что «храмы в приходах, где живут инородцы и раскольники далеко не так благоустроены, как в приходах с православным населением. Почти все они отличаются теснотой помещения, отсутствием благолепия и недостатком утвари церковной и церковных одежий»³⁸. В то время как для русских приходов внешнее состояние храмов было едва ли не главным моментом веры.

Направленность на народное образование и просвещение была наиболее ярко выражена в миссионерской деятельности РПЦ. Практически все соглашались с тем, что для язычников и старообрядцев «просвещение есть единственное средство вывести их из этого состояния»³⁹. Повышая образовательный уровень населения, государство с помощью духовенства решало целый ряд проблем. Во-первых, отставание образования вело к общему отставанию страны от европейских держав и сводило возможность модернизации к нулю. Во-вторых, считалось, что грамотное население перестанет исповедовать нецивилизованные формы религии. В-третьих, раскол многие напрямую связывали с невежеством крестьян.

Потребность в образовании у нерусских народов была очень велика. В своем рапорте за 1867 г. вятский епархиальный миссионер А. Тихвинский сообщал, что «грамотность мало распространяется между ними и ни в одном

³⁶ ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 254. Л. 82 об.

³⁷ Там же. Д. 181 а. Л. 32.

³⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1889. Л. 187.

³⁹ Русское духовенство. Берлин, 1859. С. 44.

селе, кроме Войского, черемисские дети не учатся ни в училище, ни в школе»⁴⁰. Получение образования из уст священника с акцентом на духовную сторону постепенно вводило нерусское население от язычества в православие.

В Вятской епархии создание миссионерских школ началось с 1871 г., а братских – с 1883 г. после учреждения соответствующих местных комитетов Православного миссионерского общества и Братства святителя и чудотворца Николая. Они работали на основе «Главных начал, на которых должна быть устроена на будущее время система образования инородцев» проф. Н.И. Ильминского. Сущность этой школьно-просветительской системы заключалась в двух основных пунктах: обучении нерусских народов на родном языке и подготовке учителей «инородцев»⁴¹.

Необходимо отметить, что стихийно школы для детей язычников возникали и до этого. Приходские священники заводили их, не дожидаясь указаний от епархиальных властей, по своему личному внутреннему желанию. Так, священник с. Новопоселянского Сарапульского уезда И. Утробин, несмотря на незнание языка, устроил школу для детей некрещеных марийцев и убедил земскую управу выделить деньги на уже нанятого им на свои средства переводчика из марийских крестьян. Вятский комитет Православного миссионерского общества сразу после учреждения вынужден был решать вопрос о таких стихийных школах, в частности выделив на Новопоселянскую школу 30 руб. в год. Подобные школы священно- и церковнослужители открывали и для детей крещеных татар и удмуртов. Всем таким стихийным школам миссионерское общество в первые годы своего существования выделяло небольшие суммы, а, окрепнув, приняло их на свое попечение⁴².

Миссионерские школы динамично развивались. С одной противораскольнической школы и 17 школ миссионерского общества в 1884 г. количество школ увеличилось до 42 противораскольнических и 67 миссионерских школ в 1903 г. Число учеников возросло с 13 до 871 в противораскольнических и с 517 до 2325 в миссионерских школах. Накануне указа о веротерпимости 1905 г. братские школы переживали расцвет.

Проследим, кто учился в этих школах. В 1872 г. национальных («инородческих») школ в ведении Православного миссионерского общества в Вятской епархии было 9. В них обучался 221 ученик (80 марийцев, 69 татар, 65 русских, 8 удмуртов). Все ученики исповедовали православие, кроме 23 марийцев-язычников и 2 мусульманина⁴³. В 1907 г. таких школ было уже 72. В

⁴⁰ ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 137. Л. 1200.

⁴¹ Зеленин Д.К. Н.И. Ильминский и просвещение инородцев. СПб., 1902. С. 2.

⁴² ЦГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.

⁴³ Отчет Вятского комитета Православного миссионерского общества за 1872 год. Вятка, 1873. С. 9.

них обучалось 2127 детей (740 татар, 714 марийцев, 427 удмуртов, 194 русских, 82 бесермян), из них 93 язычника и 8 старообрядцев⁴⁴.

Немного иной ситуация была в 47 школах Вятского братства св. Николая. Число детей старообрядцев в них неизменно росло. В 1892 г. детей старообрядцев обучалось всего 176. Накануне первой русской революции их число увеличилось до 406 чел. В 1907 г. из 988 обучавшихся учеников 530 были православными и 484 старообрядцами⁴⁵.

Судя по этим цифрам, миссионерские и братские школы были действительно востребованы – первые среди нерусских народов, а вторые среди старообрядцев. В них охотно учились дети нерусских жителей и старообрядцев. 87 % детей в национальных школах были нерусскими. Светские и церковные власти посчитали процент детей старообрядцев в школах епархии в 1902 г. Оказалось, что в братских школах он равнялся 39 %, в то время как в земских школах было всего 1,9 %, а в церковно-приходских 0,8 % старообрядцев⁴⁶.

Нельзя не учитывать и тот факт, что косвенно миссионерские школы оказывали существенное влияние на взрослых. По словам одного из священников: «... воздействие школ простирается даже на взрослых раскольников. Раскольники-отцы интересуются тем, чему учатся их дети и заходят в школы. Учителя этим пользуются и стараются беседами расположить к себе и своему делу». Подобным образом учитель П. Костин обратил в православие 10 крестьян, а учитель И. Маракунин – 6 человек⁴⁷.

В 1875 г. в Вятке протоиереем и одновременно приходским священником С.Н. Кашменским была открыта Братская школа. В школе особое внимание уделялось изучению раскола и умению борьбы с ним. В неё поступали по своему желанию грамотные крестьяне 25–35 лет из заражённых расколом приходов. Школа включала мужское и женское отделение. Ученики пользовались готовой квартирой с отоплением и освещением, получали на время обучения по 6 руб. в месяц на питание, по окончании же шестимесячных курсов получали деньги на дорогу по 3 коп. на версту и одну лошадь⁴⁸.

Для успеха миссии важна была и распространяемая печатная продукция. Из центра присылались специально издаваемые книги и брошюры «противораскольнического» и христианского содержания. И, что очень важно, выходило немало периодических изданий: «Миссионерский противомусульманский сборник» (с 1876 г.), «Миссионерский сборник» (с 1891 г.), «Миссионерское обозрение» (с 1891 г.), и собственно «противораскольнические»: «Православный собеседник» (с 1855 г.), «Братское слово» (с 1886 г.).

⁴⁴ Отчет Вятского комитета Православного миссионерского общества за 1907 год. Вятка, 1908. С. 4.

⁴⁵ Отчет Вятского братства святителя и чудотворца Николая за 1905–1906 г.г. Вятка, 1907. С. 20

⁴⁶ ВГВ. Приложение. 1902. № 65. С. 2.

⁴⁷ ЦГАКО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 194. Л. 20 об.

⁴⁸ Там же. Д. 19. Л. 3 об.

Епархиальные власти пытались не отставать и издавали немало соответствующих брошюр. В Вятке регулярно выходили периодические и специальные издания. Каждый год печатались подробные отчеты Комитета Православного миссионерского общества и Братства святителя и чудотворца Николая. В «Вятских епархиальных ведомостях» регулярно помещались различные статьи о работе, успехах и трудностях миссии, статьи миссионеров.

Огромное значение для успеха православной миссии имело совершенные богослужения на местных языках. Это был поистине переворот в отправлении богослужения. В 1883 г. после многолетних споров епархиальным архиереям было предоставлено право разрешать богослужение на «инородческих» языках по одобренным переводам. К 1893 г. во всех православных миссиях, действующих в России и за ее пределами, в церквях звучал с амвона нерусский язык⁴⁹.

Можно констатировать, что до указа о веротерпимости 1905 г. случаи привлечения к православию новых adeptов были регулярны и достаточно часты. Приходские священники каждый год приводили в православие новых верующих. Кто-то крестил 1–2 человек, а кто-то сотни. Так, священник с. Кильмезь Малмыжского уезда Александр Столбов крестил 185 язычников, за что был награжден орденом Св. Анны 3-й степени⁵⁰. Число крещённых Столбовым впечатляет. Однако в прессе не было сказано об этом ни слова, в то время как о случаях крещения в западных епархиях незамедлительно сообщалось. Например, о присоединении к РПЦ 100 штундистов приходским священником в Херсонской епархии с помпой писало «Православное обозрение»⁵¹. По подсчетам В.В. Машковцевой, в период 1861–1905 гг. вятские миссионеры ежегодно присоединяли к официальной церкви от 31 до 450 староверов⁵².

После 1905 г. миссионерская деятельность не прекратилась. Хотя первые годы количество выходов из православия было значительным: в 1905–1908 гг. число отпавших от православия, впервые в истории Российского государства превысило число присоединившихся почти в два раза. Либеральная газета «Вятская речь» даже говорила о массовом переходе в магометанство и язычество, а также о недовольстве по этому поводу обер-прокурора Синода⁵³. Но уже в 1909 г. ситуация изменилась, и число входов на 2 тысячи превысило число выходов. А к 1914 г. число присоединившихся к

⁴⁹ Доброклонский А. Руководство по истории русской церкви. Вып. 4. М., 1893. С. 7.

⁵⁰ ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 114. Л. 868.

⁵¹ Православное обозрение. Т. 1. январь. М., 1891. С. 119.

⁵² Машковцева В.В. Конфессиональная политика государства по отношению к старообрядцам во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Вятской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2002.

⁵³ Хроника // Вятская речь. 1908. № 29. С. 3.

православию в целом по России составило 18966 чел., а вышедших 10636 чел.⁵⁴

Случаи обращения в православие после объявления свободы вероисповедания доказывают, что упреки в адрес миссии РПЦ в её несостоятельности без государственной поддержки не отвечают действительности. В 1912 г. в Вятской епархии без учета старообрядцев было обращено в православие 64 человека: 61 язычник и 3 мусульманина. При этом не было зафиксировано ни одного случая отпадения от православия⁵⁵. К православию было присоединено 171 старообрядец и 8 сектантов⁵⁶.

В пореформенную эпоху миссионерская деятельность РПЦ приобрела четкую структуру, которая действовала в таком виде вплоть до 1917 г.

Миссионерская работа РПЦ велась достаточно активно, однако результаты ее не были равнозначны затраченным действиям. Существовали определенные препятствия, в частности:

- разбросанность нерусских и неправославных деревень и отдаленность многих из них от приходского храма и пастырского влияния;
- разноплеменность состава населения некоторых приходов, требующая от приходского пастыря-миссионера многого. Например, знание не двух, а нескольких языков;
- недружелюбное отношение к другим народам русских крестьян;
- отсутствие сочувствия к отправлению богослужения на родном языке совместно с церковно-славянским в смешанных приходах;
- замкнутость, необщительность и преданность своим обычаям нерусских и неправославных;
- пропаганда ислама, раскола и сектантства, которая даже если не достигала прямого результата, то восстанавливала против православия;
- сравнительно небольшие средства, отпускаемые на миссию;
- неподготовленность огромного числа духовенства к миссионерской работе;
- вмешательство государства и его органов в дело миссии.

Данные проблемы, с которыми сталкивалась православная миссия, позволили современным авторам говорить о том, что «миссионерская деятельность не впечатляла продуманностью. На основе знаний и опыта, полученных в семинарии, можно было добиться разве что обратного эффекта»⁵⁷. С этим невозможно не согласиться. Не нужно забывать и то, что миссию

⁵⁴ *Фирсов С.Л.* Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996. С. 660.

⁵⁵ Отчет Вятского комитета Православного миссионерского общества за 1914 год. Вятка, 1915. С. 10.

⁵⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2632. Л. 27.

⁵⁷ *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство в России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002. С. 21.

инициировало государство. С.М. Васина, считает, что духовенство относилось к миссионерской деятельности как к обязанности со стороны государства и поэтому результаты ее были «неутешительны»⁵⁸.

С другой стороны, миссионерская работа велась РПЦ в течение столетий, из чего следует, что даже самый посредственный опыт мог быть учтен впоследствии для улучшения православной миссии.

Можно полагать, что миссионерская деятельность РПЦ достигла своего пика к периоду 1909–1917 гг. Этому мнению придерживается в частности Н.И. Герасимова⁵⁹. По результатам переписи 1897 г. среди финно-угорских народов Вятской епархии православными были 97,9 %, хотя среди русских число приверженцев официальной церкви было 95,9 %, а остальные были старообрядцами. Среди татар в том числе удалось добиться некоторых результатов – 9,7 % были православными⁶⁰.

Деньги на миссию находила сама церковь. Так, расходы Вятского комитета православного миссионерского общества только на финансирование школ увеличились с 900 до 7432 руб., а Братство святителя и чудотворца Николая увеличило траты на свои школы с 2941 до 9531 руб.⁶¹ Главными статьями доходов были проценты с неприкосновенного капитала и пожертвований всего населения. Духовенство по решению епархиального съезда вносило 1 % заработка, а также, если состояло членами братств ежегодно до 3 руб.

Большую часть членов обществ, конечно же, составляло приходское духовенство, но и представителей других слоев населения было достаточно. 38 % членов Братства святителя и чудотворца Николая и 15 % членов Комитета православного миссионерского общества были чиновниками, купцами, крестьянами. После указа о веротерпимости 1905 г. почти половина членов братства и миссионерского общества перестала платить членские взносы и вышла из их состава. Миссия продолжилась без государственной поддержки.

Миссия во многом меняла самих священно- и церковнослужителей. Чтобы работа была успешной требовался иной тип православного священника. Необходим был образованный священник, знающий языки и культуру нерусских народов, умеющий вести спор, чтобы противостоять раскольникам и сектантам, язычникам и мусульманам. Кроме того, он должен был обладать высокими моральными качествами. Личный фактор был едва ли не решающим в отношениях с паствой, а значит, во многом определял успех

⁵⁸ *Васина С.М.* Приходское духовенство Марийского края в XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2003.

⁵⁹ *Герасимова Н.И.* Культурозидательная роль религии в процессе формирования чувашского этноса: автореф. дис. ... канд. культурологии. Киров, 2003. С. 109.

⁶⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. X. Вятская губерния / под.ред. Н.А. Тройницкого. Вятка, 1904. С. 6.

⁶¹ Отчеты Вятского комитета Православного миссионерского общества с 1872 по 1914 гг.; Отчеты Вятского братства святителя и чудотворца Николая с 1885 по 1907 гг.

миссии. Вот как говорили о личности миссионера дореволюционные авторы: «Личность священника и его поведение имеют доминирующее значение. Недостаток в нем замеченный, служит к унижению не только его личности, но и к унижению той церкви которой он служит»⁶².

Оценивать конфессиональную политику России и миссионерскую деятельность можно с различных точек зрения. Она может отличаться изначально, в зависимости от отношения к РПЦ и проводимой ею христианизации. Можно говорить, что исчезала самобытность дохристианской религии. Советские историки говорили о церкви как о проводнике русификации.

Однако насильственными методами РПЦ практически не пользовалась. Среди методов православной миссии на первом месте стояли ненасильственные не административные методы в виде просвещения, образования и увещевания. Именно эти возможности и были в распоряжении церкви. В 1885 г. Синодом были утверждены правила, выработанные Иркутским собором архипастырей, которые требовали от миссионеров «действовать на инородцев кротко, научением и убеждением, а не принуждением»⁶³. С этим согласны и главные исследователи в сфере конфессиональной политики в Вятской епархии А.А. Машковцев и В.В. Машковцева⁶⁴.

Из объективных положительных сторон принятия нерусскими народами Вятской епархии православия можно выделить следующее: грамотность этих народов в разы выросла. Из среды местного населения, обучающегося в церковной школе, произошла будущая национальная интеллигенция, принявшая впоследствии духовные ориентиры русской интеллигенции. Система обучения Н.И. Ильминского по своей сути выработала систему школьного образования народов Востока России.

Строительство храмов РПЦ привело к тому, что нерусские этносы узнали о современных архитектурных и живописных образцах. Азбука, которую изобрели миссионеры, позволила этим народам изучать письменность. Удмуртскую азбуку «Лыдзон» создал в 1860-х гг. вятский приходский священник Н.Н. Блинов. И.М. Кедров составил «Букварь для черемис горного наречия», а Н.И. Золотницкий «Салдалык кнеге» для чувашей. Национальную историю и литературу систематизировали тоже приходские священники: Г.Е. Верещагин, И.Н. Луппов, Н.Н. Блинов.

Конфессиональная политика, реализуемая РПЦ, говорит и об определённой гибкости, умении подстраиваться под решение проблемы. Миссия в пореформенную эпоху, безусловно, была активизирована под напором государства и администрации, но вместе с тем государство спустило её реализацию на РПЦ как своё ведомство. Церковь могла предложить неправославному

⁶² Яблонский В. К вопросу о веротерпимости // Странник. 1905. Март. С. 460.

⁶³ Доброклонский А. Руководство по истории русской церкви. Выпуск 4. М., 1893. С. 3.

⁶⁴ Машковцев А. А., Машковцева В. В. Старообрядцы и сектанты Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX века: взаимоотношения с региональными властями и православной церковью. Киров, Изд-во «Радуга-ПРЕСС». 2015. С. 97.

населению, прежде всего, свои образовательные и другие услуги в русле православной культуры, опираясь только на собственные личные ресурсы.

Список литературы:

1. *Васина С.М.* Приходское духовенство Марийского края в XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2003.
2. *Герасимова Н.И.* Культурозидательная роль религии в процессе формирования чувашского этноса: автореф. дис. ... канд. культурологии. Киров, 2003.
3. *Кочеткова Е.И.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX вв. (к историографии вопроса, 60-е гг. XX – нач. XXI вв.) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 75–83.
4. *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство в России во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Новый хронограф. 2002. 272 с.
5. *Машиковцев А.А., Машиковцева В.В.* Старообрядцы и сектанты Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX века: взаимоотношения с региональными властями и православной церковью. Киров: Изд-во «Радуга-ПРЕСС». 2015. 219 с.
6. *Машиковцева В.В.* Конфессиональная политика государства по отношению к старообрядцам во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Вятской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2002.
7. *Нечаева М.Ю.* Единение во имя Христа: Православные общественные организации Среднего Урала середины XIX – начала XX в.). Екатеринбург: Изд-во Екатеринбургской епархии, 2008. 194 с.
8. *Полунов А.Ю.* О религии и империи: миссии, обращения и веротерпимость в царской России // Отечественная история. 2003. № 5. С. 197–202.
9. *Римский С.В.* Православная церковь и государство в XIX веке. Ростов-на-Дону, 1998.
10. *Сапсай А.В.* К вопросу о динамике численности и состава православных общественных организаций во второй половине XIX - начале XX в. (на примере Пермской епархии) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Выпуск 81. С. 36–51.
11. *Фирсов С.Л.* Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та: Изд-во СПбГУ, 1996. – 664 с.

Об авторе:

СКУТНЕВ Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, кафедра теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет (610000, Киров, ул. Красноармейская, 26), e-mail: Skutnev@mail.ru

ORTHODOX MISSION IN THE POST-REFORM ERA IN THE VYATKA EPARCHY

A.V. Skutnev

Vyatka State University,
Kirov, Russia

The article's main goal is to research the changes in the implementation of the missionary activity of Russian Orthodox Church from the second half of the XIX up to the beginning of the XX century. Missionary activity becomes one of the government's most prioritised goals. In some dioceses the majority of parish priests at least once in their life took the role of the missionary man. This includes not only the eastern and western dioceses, but some of the central, too, for example, the diocese of Vyatka, where the missionary goal was actively worked upon. There was a development of a whole system with missionaries' preparation, strict reporting, development of special missionary social organisations and schools for the overall population. The government and the church had often worked together. The cases about the Old Believers, cults and cases of apostasy from the Orthodox Church were also investigated by the Ministry of Internal Affairs. Nevertheless, while developing the mission, the Church had used mostly the instruments that were under its command – education resources. As a result of the missionary work the level of culture among non-Russian nations has increased, local writing systems were created, churches were built, the local history has been preserved.

Keywords: *Russian Orthodox Church, Missionary activity, clergy.*

About the author:

SKUTNEV Aleksey Vladimirovich – Candidate of History, Associate Professor, Head of Department, Department of Theory and History of State and Law, Vyatka State University (610000, Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26), e-mail: Skutnev@mail.ru

References:

- Vasina S.M., *Prihodskoe duhovenstvo Marijskogo kraja v XIX–XX vv. [Parish clergy of the Mari region in the 19th - 20th centuries]*, Avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk, Cheboksary, 2003.
- Gerasimova N.I., *Kul'turosozidatel'naja rol' religii v processe formirovanija chuvashskogo jetnosa [The culture-creating role of religion in the process of formation of the Chuvash ethnic group]*, Avtoreferat dis. ... kandidata kul'turologii, Kirov, 2003.
- Kochetkova E.I., *Missionerskaya deyatelnost' Russkoj pravoslavnoj cerkvi vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. (k istoriografii voprosa, 60-e gg. XX – nach. XXI vv.)*, *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta, Gumanitarnye nauki*, 2010, № 2, S. 75–83.

- Leont'eva T.G., *Vera i progress: pravoslavnoe duhovenstvo v Rossii vo 2j pol. XIX – nach. XIX v.* [Faith and progress: Orthodox clergy in Russia in the 2nd half. XIX - early XIX century] M., 2002.
- Mashkovcev A.A., Mashkovceva V.V., *Staroobryadcy i sektanty Vjatskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka: vzaimo-otnoshenija s regional'nymi vlastjami i pravoslavnoj cerkov'ju* [Old Believers and sectarians of the Vyatka province in the second half of the 19th – early 20th centuries: relationships with regional authorities and the Orthodox Church]. Kirov, 2015.
- Mashkovceva V.V., *Konfessional'naja politika gosudarstva po ot-nosheniju k staroobryadcam vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka (na materialah Vjatskoj gubernii)* [Confessional policy of the state in relation to Old Believers in the second half of the 19th - early 20th centuries (based on materials from the Vyatka province)]: Avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk. Kirov, 2002.
- Nechaeva M.Ju., *Pravoslavnye obshhestvennye organizacii Srednego Urala serediny XIX – nachala XX v.* [Orthodox public organizations of the Middle Urals in the mid-19th – early 20th centuries], Ekaterinburg, 2008.
- Rimskij S.V., *Pravoslavnaja cerkov' i gosudarstvo v XIX veke* [Orthodox Church and State in the 19th Century]. Rostov-na-Donu, 1998.
- Polunov A. Yu., *O religii i imperii: missii, obrashcheniya i veroterpimost' v carskoj Rossii*, Otechestvennaya istoriya, 2003, № 5, S. 197–202.
- Sapsaj A.V., *K voprosu o dinamike chislennosti i sostava pravoslavnykh obshhestvennykh organizacij vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (na primere Permskoj eparhii)* [On the question of the dynamics of the number and composition of Orthodox public organizations in the second half of the 19th - early 20th centuries. (on the example of the Perm diocese)], Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta, Serija 2, Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2018, № 81.
- Firsov S.L., *Pravoslavnaya cerkov' i gosudarstvo v poslednee desyatiletie sushchestvovaniya samodержaviya v Rossii*, SPb., Izd-vo Rus. hristian. gumanitar. in-ta, Izd-vo SPbGU, 1996. – 664 s.

Статья поступила в редакцию 15.08.2023 г.

Подписана в печать 15.11.2023 г.